

любовно — фантастический роман

Милау Элли

Чтобы помнить

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Можно ли выбраться из заточения и обрести долгожданную свободу?

Элли Милау

Чтобы помнить

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Милау Э.

Чтобы помнить / Э. Милау — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Это история о непростой судьбе девушки, которая лишилась всего и очутилась в страшном мире рабов и несправедливости. Что ждет ее? Сможет ли она выжить в непростых условиях? Сможет ли выбраться из заточения и обрести долгожданную свободу? Содержит нецензурную брань.

Пролог

– Почему не эвакуировали всю планету? – задавала тысячный раз вопрос своей матери.

На что она лишь пожимала плечами, отвечая равнодушно, голосом лишенным каких-либо эмоций, будто говорила о повседневных делах, а не о смерти миллионов:

– Все хотят жить. Паника не дала бы возможности спастись. Если бы на Лероксе узнали о массовой эвакуации, запустили бы ракеты раньше.

Я же думала сейчас, *разве это жизнь? Быть рабыней...*

Мы лишились дома, бизнеса, влияния, всего, из-за войны, длившейся не одно десятилетие, что закончилась массовым убийством и уничтожением, сбегая в космос, в невиданные дали, мы не знали, что нас ждет впереди, но выбрали неизвестность, вместо смерти, ища лучшего будущего, но мы его не нашли. Я его не нашла... Меня ждала судьба куда старше смерти.

Глава 1. Маира

Моя жизнь никогда не была идеальной, никогда, на то были свои причины. Еще в детстве родители обнаружили мою неполноценность, я видела словно слепой котенок, различая лишь цвета и силуэты. Только из-за этого я была обречена, только из-за этого подвергалась нападкам. Никому не нужны были такие представители общества, но они существовали, правда нормальной жизнью это тоже было сложно назвать, но я не унывала. Любима родителями, семьей я старалась вписаться, быть тихой и незаметной, чтобы моя неполноценность не бросалась в глаза и все же я мечтала, что однажды все изменится, что мир станет не только внешне ярким, но и внутри озарится светом.

Многие не замечали того же, что и я. Мир вообще мне виделся другим – не таким, как его видели остальные представители моей расы. Может из-за того, что у них в отличие от меня со зрением все было хорошо, и лишь меня преследовали яркие цвета. Буйство красок: красный, зеленый, синий заполняли всю мою осознанную жизнь, ведь такие цвета на нашей планете основные. Синими были деревья, небо – зеленым, красным – поле, возле которого мы жили. Я обожала выходить в поле и долго сидеть, смотря в никуда, пытаюсь различить хоть что-то в этом огненно-красном полотне, и вдыхать невероятный запах цветов, очень редких и дорогих на нашей планете – галлий. Их выращивала наша семья, получая огромнейшую прибыль, полностью монополизировав производство этих редких цветов. Галлии не только выращивали, но и синтезировали, изготавливая духи, которые очень любило все Содружество (объединение планет во главе с Советом, куда входили их представители). Духи пользовались популярностью, благодаря специфическому аромату, присущему только галлиям. Духи или цветы дарили любимым на праздники, вручали вместо кольца, делая предложение, которое стало довольно распространенным после колонизации Земли, и хоть многие жители Содружества использовали именно кольцо, коренные жители нашей планеты – оставались верны традициям. Даже не смотря на то, что один бутон стоил целый арк, а на арк обычный крокс мог прожить два месяца, цветы пользовались спросом. Мы же были богатейшими людьми, владея несколькими полями по выращиванию галлий и заводом по производству духов. Влиятельная семья, о которой знало все Содружество, наша семья всегда была на виду, но только не я...

«Неполноценных», как и всех у кого находили изъяны, не любили, порицали, осуждая само их существование. Если Содруеству и его жителям, в принципе было все равно на наше существование, кроксы так не считали. У нас ненавидели «неполноценных», будто само их существование говорило о слабости вида. Родственники «неполноценных» кроксов искали различные методы скрытия и не афиширования наличия таких детей в семье или же старательно делали вид, что ребенок нормальный, меня тоже пытались выдать за нормальную. Надевали непроницаемые очки, которые могли скрыть отсутствующий взгляд и красные глаза без разноцветных хрусталиков, кого-то удавалось одурачить, кого-то нет, в итоге родители приняли

решение не выводить меня в свет, защищая от злобных нападков не только меня, но и всю семью от порицания.

Я вела затворнический образ жизни в отличие от чересчур раскованных братьев и сестер. С самого детства я в какой-то мере завидовала им, ведь хотела быть похожей на других, но мне оставалось лишь со стороны наблюдать за их жизнью. С восхищением слушать рассказы сестер и братьев и тихо плакать у себя в комнате, злясь на весь мир и на себя, но когда мне исполнилось четырнадцать лет и, после долгих моих просьб, одна из сестер взяла с собой к друзьям, поняла что их жизнь не для меня, ведь я другая.

Я не могла ощутить вкус жизни, ведь не видела никого. Все присутствующие слились в одну серую массу, и если бы не слышимые упреки усмешки в свой адрес со всех сторон, можно было бы подумать, что рядом стена. Одной такой вечеринки мне хватило на долгие годы, это происшествие отбило все желание появляться в свете, я даже сторонилась родственников. Закрылась в себе, лелея свою никчемность, прежде чем изобрели метод борьбы со слепотой, сделав меня почти нормальной. Это изменило мою жизнь, подарило надежду на лучшее будущее, но моим мечтам не суждено было сбыться, ведь война между нами и лероксами не прекращалась.

Мне только-только исполнилось восемнадцать, когда появились линзы для «неполноценных». Они стоили целое состояние, но родители не поскупились, считая, что у меня обязаны быть эти линзы. Теперь я могла видеть почти нормально, как все, но каждый предмет имел немного размытый вид, так говорила моя мама, после того как я описала свои ощущения об увиденном, объясняла, что я вижу мир все равно неполным, как она, когда плачет, сквозь пелену слез. Но для меня, не знающей другого, это было чудом. Я радовалась тому, что имела.

Сначала было сложно привыкнуть, я даже с непривычки могла упасть, сев возле стула, а не на него, но со временем научилась увеличивать диапазон, находить середину предмета, чтобы потом его взять в руки или же дотронуться. Как бы ни было тяжело, возможность видеть стоила всех проб и ошибок, ведь самой главной в линзах была возможность отчетливо видеть живых существ, они не расплывались, были цельными и отчетливыми. Возможно, из-за того, что изобретатель хотел, чтобы «неполноценные» видели именно их, а не предметы, чего и добился в своем изобретении.

«Даже «неполноценные» должны иметь право увидеть своего возлюбленного, прежде чем связать с ним свою жизнь».

Читала я как-то высказывание изобретателя, мне показалось это слишком романтическим, несвойственным мужчине и лишь спустя год появилась разгромная статья о том, что изобретатель – женщина. В нашем обществе такое было недопустимо, ведь женщины не могли заниматься наукой, потому что изобретение стало скандальным, как и наличие «неполноценных» в семьях, которых оказалось намного больше, чем было известно до этого. И если с «неполноценными» смирились, то такую вольность женщине простить не могли. Насколько я знала, ученая сбежала с планеты, когда власти заинтересовались несвойственным нашим женщинам поведением, и дальнейшая ее судьба была неизвестна или ее тщательно скрывали, но я лично была благодарна, ведь не смотря на то, что она была женщиной – смогла подарить жизнь, о которой многие мечтали.

Наши женщины занимали «особое место» в обществе, поэтому и было удивительным, что она создала что-то поистине прекрасное, даже можно сказать шедеврально. Мужчины стояли во главе семейств, занимали ведущие должности в правительстве, руководили, а женщин содержали, любили, лелеяли, как наша семья – галлии. Женщины не работали, не приносили домой никакого дохода. Были даже волнения среди женщин, что их права ущемляют. Я же видела, как папа только то и делал, что пытался угодить маме, а она в ответ каждую ночь пускала его к себе в спальню. Да, именно пускала, на нашей планете мужчина и женщина жили

отдельно, в разных домах, но на одной территории, если это семья. Женщина занималась рукоделием, выращиванием цветов и воспитанием детей, больше от нее ничего не требовалось. Женская территория была полностью в нашем распоряжении, поэтому теорию об ущемлении нас считала неправильной. Мы были самыми настоящими галлиями, дорогими и нужными, даже я – несмотря на свой недостаток.

Мужчины же обеспечивали семью всем, и хоть в нашей семье именно женский труд приносил доходы, ведь цветы – предназначались в основном для женщин, да и выращивание их – женский труд, считалось, что на поле больше мужской работы, чем женской. Власти называли имя отца, когда благодарили за производство галлий, хотя я считала – заслугой матери.

В семьях кроксов секс не был основой семейной жизни, но я видела, каким окрыленным и довольным ходил отец после ночей в спальне матери, иногда задумываясь о том, что именно происходило между ними за закрытыми дверями спальни, но никто не объяснял. Мама эту тему считала запретной, а отец намекал, что когда решит вопрос брака, мне все расскажет муж. Чем они могли заниматься в спальне, я могла лишь отдаленно догадываться. Было легче думать об этом как о разговорах, ведь секс – не основа, и не является необходимой потребностью нашего организма, а деторождение – необязательное. Население планеты позволяло не рожать вообще, но моя мама любила детей, поэтому помимо пяти своих, которых она выносила сама, у нее еще была я – ребенок из пробирки. Мама с благоговейным трепетом вспоминала, как они с отцом отправились выбирать меня в центр, где и хранился ряд ДНК, тогда ребенка из пробирки не каждый мог себе позволить, услуга была доступна только для элиты кроксов, поэтому лишь достаточно разбогатеи, обзавелись мной. Она рассказывала, как долго всматривалась в различные коды, пока не увидела мой. Говорила, что тут же почувствовала покалывание в пальцах, сразу же решив, что именно этот набор цифр, так помечался в каталоге ряд ДНК, и должен стать ее ребенком, а спустя пять месяцев, она несла домой орущий комочек, ее долгожданную доченьку.

Когда я спросила маму, почему она не хотела родить сама, быть может, я не была бы «неполноценной», она отвечала:

– Милая, мне было уже сто лет, я устала, а Иоф хотел детей, поэтому мы и обратились за помощью, и я ни разу не пожалела, ни разу. Ты для меня такая же, как и другие дети.

Так получилась я. Младшая из шести и единственная неполноценная. Неполноценность сделала меня более замкнутой, и хоть мама пыталась окутать меня заботой, я не до конца верила, что она любит меня также как и остальных детей, а может, сказывалось порицание, которым нас чрезмерно одаривали, и все же я чувствовала заботу и нежность.

Сейчас же ничего этого нет... Все потеряно безвозвратно, а моя жизнь не стоит и арка, пока я не стану идеальной рабыней.

Смотря в маленькое окошко своей комнаты, где еще десятеро таких же девушек, как и я, хочется не просто плакать и биться в истерику, а выть, как ранней зверь, которого против воли посадили в клетку, оставив влачить ничтожное существование бесправного существа. Белоснежное пятно за окном, такое же мертвое и не несущее в себе жизни, как и состояние души большинства здесь. Планета-ледник. Незаселенная живыми существами. Только нами – привезенными из разных уголков космоса для обучения или правильной сказать – уничтожения воли в угоду будущим хозяевам. Я не знала о существовании этой планеты, пока нас не забрали. Оказалось, на ней находилась колония живых существ – рабов, перевалочный пункт или, по-другому, обучающий центр. Я слышала о рабстве, мы изучали историю Содружества, но мне казалось, что рабами рождаются, а не становятся насильно, но я ошибалась, а насколько – узнала только здесь. Не все рабы рождаются в неволе, не зная другой жизни, кого-то крадут, кого-то привозят после разбоя, а есть те, кого заказали, но именно здесь обучают быть рабами.

«Ни слова против. Глаза в пол. Ты – всего лишь тело.»

Три истины, которые внушали в наши головы изо дня в день.

Мне казалось, что я выучила эти слова наизусть, лучше молитвы, которую учили с детства, я могла повторить эти фразы в любой момент, ненавидя всей душой не только слова, но и само существование этих понятий.

Я никогда не была любимой дочерью и хоть мама говорила, что любит меня также как и других детей я-то видела, что это не так, чувствовала свою недостойность, несмотря на заботу, у меня никогда не было друзей, лишь мой родственники составляли все мое общение. «Неполноценные» знали свое место, нашим уделом было затворничество, и хоть изобрели линзы, они ничего не меняли в положении в обществе, нас все также недолюбливали. Я привыкла быть в тени всю свою жизнь, но здесь не просто спрятаться, не с моей внешностью, не с принадлежностью к вымершей расе – кроксам. Я находилась на виду, под присмотром, но такое внимание было нежелательным – омерзительным. Меня разглядывали как товар, не как человека, крокса, живое существо, а лишь как вещь, которую можно будет выгодно продать после.

Я всегда злилась на свои красные волосы, даже на родной планете они не давали стать невидимкой, а когда прибыли ОНИ попросту их возненавидела.

Здесь, где вечная мерзлота, а все в белых костюмах, слишком мало цветов, красок, и тут я, так похожая на галлии, поставки которых прекратились по ненадобности. В колонии не место цветам, только слезам и горю, да и некому оценить их аромат. Колония состояла только из мужчин работников, а женщинами были только рабы, а рабам не нужны цветы, разве что на могильной плите. Да и туда бы их никто не принес, не возложил подаяние умершему, до рабов нет никому дела. И все же красота, непохожесть здесь ценилась, ведь у раба была цена и чем интересней он выглядел тем выше она была. Помню, как отреагировал каждый из охранников при виде меня, все как будто дернулись ко мне, поглощая взглядами. Я так испугалась в тот момент и не зря, меня бы не спасло ни наличие девственности, ни молочная кожа, плохо переносящая побои, ничего, если бы не вмешался мужчина из высшего руководства, сказав, что этот цветок можно продать дороже, если правильно преподнести, обучить и не сильно портить. Меня сразу же отдали в личное пользование одному, а не всем охранникам. Этот мужчина стал моим надзирателем, учителем, мастером. Остальным девочкам повезло меньше, ведь сначала каждый охранник «пробовал» товар и лишь после к каждой приставляли индивидуального тренера, надсмотрщика. Они мне завидовали, испытав на себе все «прелести» мастеров. Я же жалела их, понимала через какую боль они прошли, но в то же время, не понимала их зависти, потому что моя жизнь была адом. Правду говорили земляне – ад – обьятное пламенем место, где нет ничего кроме страданий и боли, когда-то я думала, что люди придумали это место, но теперь я знаю, что это не так. Ему есть название – Аякс. Он стал моим адом. Лишившись прежней жизни, из-за войны, вследствие которой был уничтожен мой дом и вся планета, и, лишившись родни, после атаки работоторговцев, я оказалась одна среди массы... посреди шторма несправедливости и боли.

Глава 2. Аякс

В экспедицию за новой партией рабов я оправился в качестве командира миссии благодаря заслугам и репутации, которую заработал здесь, в колонии Z. Негостеприимная и холодная планета-ледник, была самым лучшим местом для дислокации обучающего центра рабов. Неживая, поэтому непримечательная, а колония, окруженная со всех сторон Мертвым морем и укрепленная защитным щитом, была невидима. Сложно определить местонахождение планеты если не знать точные координаты, так как она не была занесена ни на одну карту межгалактических путей. Защищенная крепость. Колония Z была местом моей ссылки больше года, хотя на самом деле – работой, просто не такой к которой я привык.

Дома, на Леонике, я не знал ни в чем нужды и запрета, как младший сын одного из чиновников, занимающего не последнее место в высшем эшелоне власти, я имел все, пока не доверился женщине, за что и поплатился.

Леоника размещалась далеко от колонии, но это не мешало многим нашим жителям отправляться туда на работы, ведь когда Леоника перестала быть воинственной планетой, горячей крови требовался выход. Призванием нашей расы была война. Мы враждовали как на собственной планете, затевая междоусобицы, так и за пределами, грабя, захватывая и убивая других существ, но в последние сто лет воцарился мир. Наш лидер показал нам иной путь, ведущий к процветанию и исключающий насилие и агрессию. Многие были не согласны с таким положением дел, но смирились. Возможно, из-за того, что последняя война, чуть не погубила половину населения, а может быть, не было ярого противника, который смог бы противостоять нашему императору, потому и признали силу, ведь только сильнейший мог вести за собой и внушать свою волю другим. Теперь каждый уважающий себя леоникс устраивал свою жизнь. Кто-то женился, завел семью, кто-то занялся бизнесом, были и те кто продолжал воевать, становясь свободным наемником или же личной охраной императора. Я же хотел что-то доказать отцу, выделиться. Братья уже давно устроились в жизни, только я – неприкаянный. Решив открыть свое дело, я вложил деньги в шахты по добыче материалов, использующиеся нами для постройки домов – как оказалось очень удачно. В шахтах я стал получать довольно-таки стабильную прибыль, хватавшую на безбедное существование. Купил дом, кар, все на свои, честно заработанные, хоть и стартовую сумму мне выдал отец, я считал полученные деньги своей заслугой. Мог же просто растратить, но вместо этого удачно вложил. Вечно недовольный отец даже гордился мною, я видел это по его взгляду. Он редко показывал свои эмоции, одобрение, любовь так точно, но после того, как я стал зарабатывать, во взгляде отца можно было прочесть не только недовольство, коего я удостаивался раньше, но и гордость, пока в один день все изменилось.

И из-за кого? Из-за женщины. Хло. Моя красавица-подружка. У нас развивались уже вполне серьезные отношения, когда она заявила, что хочет замуж и детей, но я был не готов двигаться дальше, во всяком случае не с ней. О чем я ей и сообщил, причем весьма прямо. Моя ошибка.

Хло была бы не Хло, если бы просто оставила меня в покое и зажила своей жизнью. Мстительная стерва подставила меня. Сфальсифицировала компромат на меня, не знаю откуда она вообще достала такую информацию, но ее было много: флешки, бумаги, переписки, в которых значилось будто бы я активно сотрудничаю с некой компанией «Милдр», которая спонсирует заварушки против существующей власти. Правительство не проходит мимо такой информации, поэтому мой бизнес в момент конфисковали, заморозили шахты, а меня обвинили в мошенничестве, тут уже благодаря отцу, который поспособствовал, чтобы я отделался только этим обвинением, а не страшным, даже для нас, ничего не боящейся расы, – изменой императору. Но Хло и этого было мало, она слила в общую сеть наше личное видео. Ее там не видно, зато отчетливо видно меня, и кажется, будто я над ней измываюсь, избивая, что это пытка, а я приношу своей девушке боль вместо удовольствия, как было на самом деле. В итоге скандал несусветный, моя репутация и так уже была уничтожена, а после выхода видео, на каждом шагу стали обсуждать меня, будто я и вправду насильник, а вот моя жертва не подала в суд, попросту побоявшись.

Я лишился всего очень стремительно, обо мне говорили чуть ли не в каждом доме, а еще грозил суд по ряду обвинений, но отец поднял связи, говорили, что обратился с просьбой к самому императору, и смог добиться оправдания, правда, с одним условием:

– Аякс, ты отправишься в колонию Z на Сориус. Там нужны охранники, обучающие, мастера, хозяева. Ты сможешь там быть кем угодно, если постараться, даже потом забрать

понравившегося раба домой, а может, и не одного, но тебе придется два года пробыть там. Иначе никак, необходимо подождать. Пусть здесь все утихнет, тогда и вернешься.

Я пожал плечами. Какая разница? Все равно потерял все. Начать с нуля на другой планете? Это было выходом. Заработать денег и вернуться домой? Почему бы и нет? Платили там хорошо, еще и премировали за вредность – работа по дрессировке рабов в предельных условиях выживания требовала хорошей физической подготовки и максимальных усилий.

Основное правило, которое царило в колонии – право сильного. Сила – основа всего. Беспощадные воины Леоники, изнывающие без войн, без возможности выплеснуть свою агрессию, принимались в колонии с распростертыми объятьями.

Как оказалось, начальником колонии был какой-то мой дальний родственник, о чем я узнал уже перед отлетом от отца:

– Аякс, там всем заправляет мой троюродный брат. Ты его никогда не видел. Он всю жизнь провел в колонии Z. Я его предупредил, что ты прилетишь. Он поможет.

Я кивнул, не ожидая такой заботы от всегда строгого отца, что там говорить, я вообще был поражен его роли в моей судьбе, даже обескуражен его прощальным объятьем, но благодарен. Это вселяло надежду на лучшее будущее и на то, что моего возвращения будут ждать, что не могло не радовать, но уже на планете мой дядя или Грек, как его все называли, развеял миф о содействии.

Увидев меня, выходящего из звездолета, Грек сообщил:

– Никаких поблажек, я – начальство, ты – подчиненный.

Я кивнул, пусть будет так. Я ничего не имел против этого.

Лишь со временем мнение Грека обо мне изменилось. По словам дяди, он и не думал, что из меня выйдет что-то путное, но я оказался ответственным парнем, так он говорил. В тренировках лучше меня не было никого, даже в паре с ним я выходил победителем, так как на них не было разделения на начальника и подчиненных. Мы были на равных – соперники. Да и с рабами я не знал пощады. Зачем, собственно? Низшее сословие. Они должны были знать свое место. Я стал хорошим наставником и на моем счету уже были сотни рабов, принесшие высокую прибыль колонии, Греку, да и мне тоже.

Колония долгие годы являлась основным поставщиком живого товара. Большую часть рабов на ней составляли рабы-подстилки, которых можно было пользоваться, как хочется. Хозяин мог не бояться сломать такого, ведь всегда можно купить замену, да и цена на таких рабов была не особо высокой. А вот рабы более высокого ранга, которых выводили в свет, чтобы показать свой статус, стоили в сотни раз дороже. Элитные рабы должны были не только ублажать хозяина, но и уметь вести себя в обществе и быть донельзя вышколенными, подчиняться любой команде хозяина, с покорно опущенной головой. От хорошего воспитания таких рабов зависела репутация, как хозяина, так и колонии.

А еще только Сориус поставлял рабов-рабочих, таких было немного, поэтому основную прибыль приносили именно постельные рабы. Рабы-рабочие жили отдельно от остальных, на низших уровнях казарм для рабов, проходя совсем другое обучение. Я любил захаживать к рабочим ради вкусной еды. У нас же готовили наемные повара. Бывало, спрашивал у Грека, почему он не купит раба на кухню. Он же отвечал, что раб выйдет ему дороже. Я не понимал этого. Почему дороже? Стоили они как годовая зарплата того же рабочего на кухне, но можно было заплатить один раз и не маяться. Но это был Грек, он никогда не говорил определенно. Всегда какими-то загадками.

Мне по-своему нравилось работать в колонии, но я скучал по дому. Здесь на поверхность можно было выйти только днем, когда лучи солнца согревали поверхность планеты и температура поднималась до того уровня, когда холод уже не приносил такого дискомфорта. Я довольно часто выходил, надевая защитный термо-костюм, чтобы глотнуть морозного воздуха, сквозь защитную маску, фильтрующую воздух, но быстро возвращался в здание, потому что

безжизненный вид навевал еще большую тоску по дому. Моя планета была живой. Сориус же представлял собой вечную мерзлоту, здесь ничего не росло, не жило. Мертвая планета. Правильный выбор для дислокации обучающего центра, непримечательный, о местоположении которого знали только избранные, но для жизни слишком удручающий.

У Сориуса за многие годы успешной работорговли сложилась определенная репутация, колония поставляла хорошо обученных рабов, и хоть рабы стоили в разы дороже, чем от частных лиц, других конкурентов не было. Репутация, удовлетворенные покупатели, да и высокое покровительство делали свое дело, все хозяева, приезжающие на невольничий рынок в Димфир, хотели заполучить раба, обученного в колонии Z. А мастерам требовалось хорошо подготовить товар, от этого зависела репутация и имя Сориуса.

Тела, вещи, рабы менялись слишком часто, делая мастеров не способными чувствовать что-либо кроме задания. Да и не было здесь места чувствам, только работа.

В колонии за время, что я пробыл здесь, имелось всего четыре вида рас. Лероксы, или как я их называл – бледнолицые. Невзрачная раса: белая кожа, серые глаза, белые волосы. Аумиры – мыши: серая кожа, удлиненные уши, раскосые глаза. Веловиты – слизняки: синяя кожа, синие глаза, скользкие на ощупь, за собой оставляли липкий след. Среоксы – темнокожие: черная кожа, белые глаза.

Всего-то четыре расы, пока мы случайным образом на просторах космоса не обнаружили несколько кораблей с бледной расой кроксов на борту, они чем-то были похожи на лероксцев, но все-таки отличались. Тон кожи не такой белый, разноцветный цвет глаз и волосы – не белые, почти серые. Мне они почему-то напомнили Сориус, такие же невзрачные и холодные, но когда я связался с Греком и показал запись с находкой, тот с предвкушением улыбнулся. Он-то сразу оценил находку, подсчитывал в уме деньги, которые можно выручить, ведь Крокс была уничтожена соседствующей планетой Лерокс, который многие годы пытался сделать Крокс своей колонией, а в Содружестве не было ни одного известия о спасшихся, это значило, что раса вымерла. Такая находка могла нас сделать богачами.

Я усмехнулся про себя. Содружество – кучка планет, даже не знающих, что у них творится под носом. Высокотехнологические расы, заявляющие о своей исключительности и такая недалекость. Позволить идти войне внутри коалиции, еще и с полным уничтожением одного из членов, хотя во всеуслышание заявляли о мире и процветании. Лицемеры. Что еще больше удивляло – умалчивание о спасшихся. То ли Содружество не интересовала судьба кроксцев, то ли они руководствовались своими какими-то иными целями, достоверно неизвестно, но такое отношение было подозрительным и непонятным. Нам же это было только на руку. О Сориусе было неизвестно, о нем вообще ходили только страшные слухи, а Леоника всегда отрицала влияние Содружества, потому мы могли воспользоваться равнодушием властей с пользой для себя и хорошо заработать.

Натолкнувшись на десяток кораблей кроксцев никто не удивился, было странным если бы никто не спасся, и все же нескольким удалось сбежать в пылу битвы, но мы даже не спешили их догонять, у нас и так было чем поживиться. Захват кораблей прошел спокойно, у кроксцев не было оружия, способного противодействовать нашему. В этой отрасли мы ушли намного дальше Содружества, что неудивительно – наша раса всегда воевала, а в колонии работали в основном мои соплеменники. И хоть я уже давно не входил в состав группы захвата, оставаясь на корабле и курируя миссию дистанционно, по телу разливался охотничий азарт. Что тут скажешь, мне нравилась моя работа.

Группа захвата загрузила товар, медики провели предварительный осмотр новых рабов на наличие болезней, а уже в колонии – более детальный осмотр на пригодность к той или иной категории рабов.

Единственное, что выбивалось из рутины, это найденная на одном из кораблей девушка-крокс с красными волосами. Яркие волосы контрастировали с молочной кожей, это удивляло, ведь она слишком отличалась от своих соплеменников. Хотелось узнать, почему девушка такая? А оказалось, все довольно простым, она крокс – с нарушенным набором генов. Такое случалось редко, но возможно при искусственном выращивании ребенка. И хоть кроксы мне не понравились – слишком бледные и неживые, она зацепила.

Впервые я увидел новенькую голой, стоящей посредине площадки для осмотра. Она жалась и пыталась прикрыться, выглядев загнанным зверьком. Небольшой рост, тоненькая талия, маленькая грудь, круглый зад. Ничего интересного, но чем-то малышка меня привлекла. То ли большими разноцветными глазами, то ли яркими волосами, которые сильно выделялись на фоне белоснежной обшивки корабля. В тот же момент я захотел владеть этой рабыней. Лично. Кивнул дяде, смотрящему за происходящим дистанционно, со своего кабинета в колонии, когда остальные члены команды хищно на нее облизнулись – не один я оценил ее уникальность. Грек тоже посчитал ее ценной, поэтому на мое внимание лишь хмыкнул, и все же не позволил пустить по кругу, как было принято среди мастеров, сразу же показывать новым рабам кто они и их место в этой жизни. Наше родство обеспечило мне лидерство в негласном соперничестве. Так я заимел себе личную рабыню, которую предстояло обучить.

Рабыню звали Маира, но я назвал ее Эм. Изменение имени – немаловажный аспект обучения. Хочешь качественно воспитать раба – начни с малого.

Девушка несколько дней жила у меня в комнате перед расселением в общие казармы. Так мы знакомились с подопечными, а они с нами. Рабы должны понимать свое место, поэтому стоило им оказаться в комнатах мастеров, начиналось планомерное уничтожение личности. Им не выдавалась одежда, еда подавалась на пол, как животным. В принципе, рабы и должны – постоянно находиться на полу, пресмыкаться перед хозяевами, но я в этом плане не был таким строгим. Считал – не обязательным уничтожать личность, ведь осознающий раб – может быть по-своему интересен, а, увидев, что красноволосая оказалась довольно спокойной, посчитал ненужным жесткие меры. Кивала, когда что-то объяснял, показывая, что понимает. Молчала, когда говорил молчать. Идеальная рабыня. Так мне казалось вначале. Думал и с ее обучением не будет проблем. Послушная, маленькая, с вызывающей интерес внешностью, при соответствующем обучении она могла стать элитной. Но все оказалось сложнее, чем я предполагал.

Когда дело дошло до постели все изменилось и я, не ожидавший от нее кардинально отличающегося поведения, дал слабинку. Непростительная ошибка мастера – допустить неповиновение, позволить вмешаться первобытным инстинктам размножения, но я ее допустил.

Я не был нежным любовником, как и никто здесь, но каждый обучал рабов по-своему: кто-то лаской, кто-то – только кнутом. Я же не имел определенной техники, мне было все равно. Для меня это работа. Не слушается – ударил, не повинуется – еще раз. В итоге все часто сводилось к применению кнута, но никто не бил сильно – мы не могли себе позволить испортить товар, поэтому кнут использовался больше для устрашения, чем для причинения боли.

Эм оказалась дикой кошкой в постели. Пиналась, вырывалась, и я вместо того, что использовать кнут, как делал всегда, прикусил ей шею, впрыскивая афродизиак. Воины нашей расы использовали клыки не только в бою, обезоруживая длинным хвостом с заостренным концом и мгновенно прокусывая артерию врага, но и в любовных утехх. При спаривании мы усиливали наслаждение с помощью укуса. Слюна смешивалась с кровью женщины, и в постели она становилась ручной и ласковой, готовой исполнять любые желания мужчины. Природа позаботилась, чтобы у нас всегда было потомство. Наши женщины были слишком воинственными, но стоило прикусить кожу, как о сопротивлении разговор не шел. Так было и с Эм.

Она была в сознании – афродизиак не влиял на мысли, только на тело – но ничего не могла поделать, стелая подо мной от неудовлетворенности. Девственницы мне еще не попада-

лись, поэтому контакт представлял для меня интерес. Слишком тесно, жарко, волнительно. Я быстро получил свое удовлетворение, но в глазах Эм видел лишь застывшую печаль. Я не задумывался о чувствах рабыни, по большому счету мне было все равно. Мимоходом отметил про себя этот факт и забыл.

– Можешь уйти, – бросил я ей, вставая с постели и одеваясь.

Эм недоуменно на меня посмотрела, даже пыталась прикрыться одеялом. Слезы выступили на глазах рабыни, отметил про себя, что действие афродизиака закончилось и теперь она уже могла управлять своим телом и эмоциями.

– На подстилку.

Указал рукой в угол комнаты, где лежал мягкий ворсистый коврик – ее место ночлега. Эм поднялась, забирая одеяло с собой, а ее жалкие всхлипы и икота вызвали глухое раздражение.

– Нет, оставила.

Рабыня послушно выпустила одеяло из рук, и, подойдя к своему месту ночлега, легла, скрутившись в клубок и отвернувшись от меня к стене. Как будто это ее спасет от меня. Глядя на бледное тело девушки, я даже улыбнулся, устраиваясь на постели и пытаясь уснуть, все-таки ее тело было приятным взору, а акт принес хорошую разрядку, но когда рабыня на протяжении часа так и не успокоилась, продолжая рыдать, я взбесился:

– Если не перестанешь, выпорю так, что не просто плакать не сможешь, но и ходить.

Эти слова подействовали на Эм волшебным образом, потому что уже через пару минут она успокоилась полностью. Я вздохнул и, посмотрев на потолок, подумал, что давно не занимался новичками. Успел забыть, насколько они нежные, слез у них всегда много.

Смотря за рабыней и отмечая каждое изменение ее состояния, от звучания ее загнанного сердечного ритма до появляющихся синяков, удивлялся тому, что днем Эм гораздо послушней, чем ночью. Целовать ноги она могла, не сопротивляясь, а вот впустить в себя мое орудие – нет. Удивительный экземпляр, думал я.

Лишь в тот первый раз я воспользовался преимуществом, в последующие – я не допускал таких ошибок. Тогда меня вывело из себя ее сопротивление, и я среагировал автоматически, как с женщинами нашего вида, но рабы не обязаны получать удовольствие, поэтому последующие наши контакты были наполнены как слезами, так и мольбами отпустить. Отпустить? Эта просьба была смехотворна. Ее никто уже никуда не отпустит. Хорошо, если у Эм будет один хозяин, а то может быть и несколько.

Обычная практика. Товар мог не подойти, тогда хозяин его менял, а мы продавали его снова.

Поэтому Эм нужно было понять, что это ее жизнь и другой у нее больше не будет. Мне не было жаль ее. Почему я должен был жалеть рабыню? Потому что она льет слезы? Слезы – это признак слабости, а мы не переносили слабых, поэтому она больше раздражала ими, чем вызывала снисхождение.

По прошествии нескольких дней я отвел Эм на форум в общую комнату. Она сначала испугалась, прижавшись ко мне, ища у своего мастера поддержки. Это внушало мысль, что я двигаюсь в правильном направлении, привыкание к мастеру тоже немаловажный аспект в обучении, но я отцепил ее руку и посмотрел в испуганные глаза холодным безразличным взглядом:

– Теперь ты живешь здесь.

Развернулся и ушел, оставив ее вместе с десятком таких же, как она, рабынь.

Кем она была для меня? Всего лишь куском мяса или кем-то большим? Смешно, даже то, что эти вопросы возникли в моей голове. Абсурдные.

Встряхнул головой и отправился на встречу с другими мастерами, нам было, что обсудить.

А рабам... Одно место. У ваших ног. Иного и быть не может.

Глава 3. Маира

Я ненавидела его всей душой. Мне хотелось, чтобы он испытал на себе все мыслимые и немыслимые пытки. Чтобы познал не ад, который считался в земной мифологии местом для грешников, нет – чтобы плевался кровью, чтобы с него живьем сдирали кожу, а он бы кричал от бессилия и боли. Мне хотелось, чтобы он страдал. Изошренная часть меня, испорченная его же руками, наслаждалась бы этим зрелищем, быть может, даже участвовала бы сама. Она бы упивалась его унижением. Ликовала. Но мои кровожадные мысли оставались при мне, а действительность оказывалась беспощадной. Бесправная вещь, рабыня – вот моя роль...

Сначала я старалась быть покорной, пыталась выполнять все приказы, наивно полагая, что меня не тронут, если буду послушной, но я ошибалась... Что я видела в этой вселенной? Что я вообще знала о мире? Попросту привыкла к покорной роли, к миру в тени высокородных кроксов. Не видят, не высовываешься – значит не тронут. И хоть все во мне бунтовало такому положению в нашем обществе кроксов, что я могла сделать против миллиардов? Что могла изменить одна девочка в заостенелом обществе, где столетиями принято такое обращение к отличающимся. Уяснила для себя, что чем меньше ты сопротивляешься, чем меньше тебя видят, замечают, тем легче жить. И я пыталась в той прошлой жизни... Как умела, но... к рабству меня никто не готовил, а мои истины рассыпались на ветру.

Аякс не был самым жестоким из мастеров, так, во всяком случае, говорили другие рабыни, но это не значило, что он жалел кого-либо, делал поблажки. Нет. Он умело подавлял, вызывал слезы, рушил систему ценностей. Без эмоций наблюдал, будто ему и вовсе неинтересно происходящее, зрелище того как разумное существо превращается в робота запрограммированного лишь к выполнению определенных команд. Он был чудовищем в моих глазах, что бы не говорили другие.

– Смирись, Эм, – шептала с соседней кровати Ка, так она себя называла.

Уже давно потерявшая имя, забывшая, как и прежнюю себя, но я не хотела становиться одной из этих безликих. Кое-как пытаюсь дышать, вспоминать прошлую жизнь, цепляясь за прошлую себя в отчаянной попытке выжить, не уйти окончательно, не стать просто товаром, остаться собой, хотя бы в душе. Я надеялась, что смогу сохранить рассудок, стараясь соответствовать ожиданиям мастера, но Аяксу этого было мало...

Он будто чувствовал несоответствие. Неужели видел в моих глазах жизнь вместо пустоты? Неужели ощущал, что меня не сломить так просто? А за показным смирением скрывается жгучая ярость...

И он нашел способ, как пробить ту стену, которой я отгораживалась в первые дни моего пребывания в колонии. Влез в душу, расковырял там все, выживая наружу потаенные страхи, желания... Его методика работала, если у него таковая была, потому что я теряла себя. А первым взрывом сверхновой в моем сердце стал секс, точнее – насилие над моей душой.

Чувствовать желание к ненавистному врагу – невыносимо. Хотеть... умолять его прикосновений, умирать под ним от нехватки воздуха и выгибаться навстречу, несмотря на боль от первого проникновения в тело, на нежелательность сексуального акта. В моих глазах застыло отчаяние. Душа ревела, просила остановиться, но не тело... тело горело, стгорало. Нет ничего хуже диссонанса между телом и душой, это даже ужаснее боли. Боль можно выдержать, а вот беспомощность, невозможность управлять собой – нет. Видимо он хотел, чтобы я стала покорной, не сопротивлялась, вот и нашел способ, но я так испугалась предстоящего насилия, что не могла здраво мыслить, отгородиться... Я так его боялась, а в итоге – это меня почти сломало.

Аякс не жалел меня, увидев руины моей личности в глазах, смотрящих на него беспомощно, после произошедшего. Почему-то думала будет в его взгляде некое удовлетворение, ведь задача оказалась выполнена в полной мере. Я уже становилась ничем, но стоило появиться на моих глазах слезам, как он окаменел, разозлился. Он испытывал отвращение к моей такой реакции. Чуть позже я заметила, что так происходило всегда, когда он видел чью-то слабость, а

своей жестокостью – он хотел ее стереть. Я пыталась не плакать, но слезы-предатели все равно появлялись. Ведь он измывался не только над телом, но и над душой. Испытывал меня, залезал в мою голову, разбирая на атомы и частицы. Расспрашивал о родной планете, родителях, почему у меня такой странный цвет волос и наблюдал за каждой реакцией, словом, движением. И я не могла молчать... молчать не разрешалось. За это было наказание – десять плетей. Когда я впервые их испробовала на своей спине, молчать перехотелось... Это были не простые плети, будто оголенные провода проходились по коже. Разряды тока пронзали чувствительную кожу, посылая судороги и покалывание во всех конечностях, но эти пытки не оставляли следов, во всяком случае долгосрочных и спустя несколько дней покраснения и припухлости исчезали, оставалась только мышечная память, да кошмары, преследующие после такого рода наказаний. Поэтому я говорила. Сначала думала, что буду придумывать, обманывать, но и здесь меня ожидало разочарование. Он будто был детектором, распознающим любую ложь. Неправда жестко каралась, а стоило мне солгать, как я получала звонкую пощечину. Отлетала на несколько шагов от своего мучителя и, уже захлебываясь в слезах унижения и безысходности, шептала, лепетала бессвязно правду.

Не было конца и края моему унижению, но многое в моей жизни изменилось на форуме – так называли общие комнаты, где жили рабы после заточения с мастером наедине. Сколько оно длилось, я не знала. Ни у кого не было часов, чтобы с точностью сказать сколько я провела наедине с мастером. Мне казалось – вечность, но другие утверждали, что не так уж и много – чуть больше десяти приемов пищи, своеобразное измерение течения времени теми, кто еще не сошел с ума.

Каждый форум был идентичный. Одинаковое количество существ, кроватей, мебели. Все комнаты были между собой похожи, а рабы – все без исключения, находились в одинаковых условиях. Когда Аякс впервые меня сюда привел, сначала я испугалась, уже как-то привыкла находиться с ним в одном помещении, но после вздохнула с облегчением. Мне сперва подумалось, что он оставит меня в покое, но я оказалась права. У каждого раба было занятие, а отведенное время на форуме оказывалось не таким уж большим помимо сна. Подъем, прием пищи, физические упражнения... День был расписан, сюда даже входили учебные занятия в зависимости от ранга раба, как и время наедине с мастером. Самое ненавистное мне время...

Хорошо хоть на ночь с мастерами теперь никто не оставался, но несколько часов в ненавистном обществе делало нас по-настоящему угнетенными, смирившимися со своим положением.

О свободных прогулках и речи быть не могло, всегда группами, под конвоем, как и о возвращении домой – несбыточное желание, особо скучающих по дому. У каждого были свои судьбы... жизни, из которых их насильственно выдернули. Бывшие богачи верили, что в Димфире их обязательно выкупят родные, другие просто надеялись, что хозяин попадется лучше мастера. Девочки пытались не унывать, им хотелось во что-то верить. Лишь одна я не видела радужных красок в своем будущем. Планета уничтожена, родных не осталось, все погибли при атаке, а соотечественники такие же рабы, как и я. Я не знаю, как именно все тогда произошло, запертая в своей каюте, пропустила атаку захватчиков. Не могла выйти из каюты без разрешения, наказанная за какую-то глупость, которую уже и не помню, только почувствовала вибрацию, слышала крики, удары, а после увидела нападающих. Могучие станы, одетые в стальную броню, с хвостами-мечами. Хищные лица, красная кожа, черные волосы. Они были мало похожи на нас, хоть и одного вида, но слишком уж отличались. Если все в содружестве были косвенно похожи, люди, кроксы, лероксы, марсиане и другие многочисленные расы, и отличались только цветом кожи, глаз, волос, то эта неизвестная мне раса – нет, скорее схожие с животными. Воины были как на подбор. Не отличишь одного от другого. Лица скрыты, только глаза – лазеры, метают молнии похоти. Меня окатило ледяной водой от этих взглядов, я пыта-

лась даже укрыться, дернулась в попытке спрятаться в каюте, хоть и знала, что это бесполезно – попросту негде там прятаться и мои попытки были смешны. Меня выволокли за шкуру, как нашкодившее животное, и отвели в общую столовую – где уже осматривали свою добычу.

Как ни пыталась искать взглядом родных из немногочисленных выживших, ни кого не увидела. Глубоко в душе хотелось верить, что кто-то выжил, но там же и радовалась, что нет, не желая такой судьбы никому из родных. Частенько желала погибнуть вместе с семьей, чтобы не приходилось бороться с собой каждый день, отстаивая свою сущность у безысходности.

Когда я увидела Аякса впервые, он больше всего меня испугал, будучи выше остальных на голову. Он возвышался горой над своими соплеменниками. Огромный, бородатый, с длинными волосами, без маски, скрывающей лицо, он внушал ужас. Не скажу, что я знала все расы Седьмого круга, но эти мужчины выглядели чужеродными в нашей галактике. И я была права. Сориус находился за пределами Седьмого круга, а их родная планета, названия которой никто из рабов не знал, так вообще не пойми где. С одной стороны это было хорошо, ведь эти мужчины с легкостью могли объявить войну Седьмому кругу, чего никто из нас не хотел, а с другой – то чем они занимались – было еще хуже. Тайком проникать на планеты, уничтожать корабли, владеть рабами – это было ужасным.

Раньше для нашей расы врагами были лероксы, многие их ненавидели, эта ненависть длилась слишком долго, впитываясь в нашу кожу, но увидев я лерокса сейчас, не отреагировала бы как прежде – шипением, раздражением и лютой ненавистью, направленной на определенную расу. Нет. Сейчас я ненавидела эту планету-колонию и всех, кто ею управлял. Вот кто не отпускал моих мыслей, а эта ненависть давала мне силы жить, не смотря на боль и голод. От приевшейся похлебки хотелось опорожняться, и желательно на Аякса, которого я презирала всем своим существом.

Сотня приемов пищи... целая сотня... вечная сотня однотипных, так называемых дней, сменяющихся один за другим, унижения и страданий, прежде чем начало ухудшаться зрение. Линзы не справлялись, возможно, из-за холода или плохого за ними присмотра, но они повредились. Я помню момент, когда это случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.